

of *Zviad Gamsakhurdia (authorized) with bibliography*. Second edition. (In Georgian and English). Tbilisi, "Sakartvelos Matsne", 2007.

Havel 1978: Havel, V. *The Power of the Powerless*. available from <https://www.nonviolent-conflict.org/wp-content/uploads/1979/01/the-power-of-the-powerless.pdf>

Havel 1986: Havel, V. *Dálkový výslech. Rozhovor s Karlem Hvižďalou*. Academia, 1986.

Havel 1990: Havel, V. *O lidskou identitu*. Rozmluvy, 1990.

Havel 1990a: Havel V. „Letter to Gustav Husak“. (In Georgian). *Free Georgia*, October 26, 1990, p. 8; November 6, 1990, p. 8; November 22, 1990, p. 7.

Havel 1991: Havel V. „Letter to Gustav Husak“. (In Georgian). *Free Georgia*, January 11, 1991, p. 7; January 26, 1991, p. 7; February 15, p. 7; February 22, 1991, p. 8.

Havel 1990b: Havel V. „Crisis of Identity“. (In Georgian). *Free Georgia*, October 23, 1990, p. 8.

Kalmasoba 2004: *Materials in Connection with Awarding Zviad Gamsakhurdia Scientific degree of Doctor of Sciences in Philology by the Order of Honoris causa On November 26, 1991*. (In Georgian). *Kalmasoba*, № 6 (80), 2004, p. 9.

Tomas 1995: Tomas, Al. *Phylosophy and Politics in Václav Havel's Largo Desolato in The Labyrinth of the Word. Truth and Representation in Czech Literature*. Munchen; 1995.

Elena Ponomareva

Russia, Chelyabinsk

*Federal State Autonomous Education Institution of Higher Education
South Ural State University (national research university)*

Human, History and Politics in Documentary Novel of N. Mamulashvili „My Chechen War. 94 Days in Captivity“

The value of the documentary novel by Nikolai Mamulashvili «My Chechen war. 94 days in captivity» is that it is a living testimony of history, a reflection of the political events of the period of the Chechen campaign, given through the prism of a prism of human consciousness, who has become a literal hostage to history. The work is a complex analytical material that combines objective and subjective approaches, documentary and journalistic beginnings in resolving complex historical contradictions,

given through the prism of human destiny. The author does not overstep the bounds of the genre of the documentary novel, achieves his particular organic chemistry, combining the subjective reporter's manner and an objective historical background.

Key words: documentary novel, political events of the 1990s, psychology, image of history, genre, genre collage, subjective reporting style, problem of choice, ethical values.

Е. В. Пономарева

Россия, Челябинск,

ЮУрГУ

**Человек, история и политика в документальном романе
Н. В. Мамулашвили «Моя чеченская война.
94 дня в плену»**

Ценность и причина нашего обращения к документальному роману Николая Мамулашвили «Моя чеченская война. 94 дня в плену» (Мамулашвили 2005) заключается в том, что это произведение является живым свидетельством исторических реалий, отражением политических событий периода Чеченской кампании, данным сквозь призму человека, ставшего буквальным заложником большой истории.

Произведение представляет собой сложный аналитический материал, сочетающий объективный и субъективный подходы, документальное и публицистическое начала в разрешении сложных исторических противоречий, данных сквозь призму человеческой судьбы. Важность этой книги, ее непреходящая актуальность и особый интерес к ней связаны с тем, что судьба человека разворачивается на фоне судьбы исторического времени – времени сложных испытаний, потрясений, конфликтов, ограниченных локально, но не ограниченных психологически: в таком противостоянии сложно разграничить своих и чужих, сложно не просто понять правильный выбор, но и обрести право на выбор как таковой. Особенно остро это ощущается в атмосфере неизвестности, когда человек, оказываясь

в самом эпицентре событий, не имеет никаких представлений о том, что происходит во внешнем мире, вне вакуума, в котором он вынужденно и помимо своей воли находится.

Война – событие, по Л. Толстому «...противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» не утратило своей сути с процессом стремительного развития цивилизации, который не привел к ослаблению исторических конфликтов, не позволил человеку найти способы ухода от глобальных и локальных войн: их ударная волна которых, как правило, с губительной силой распространяется далеко за линию фронта. Особенно остро это звучит, когда линия фронта неочевидна, враг может цинично и ловко маскироваться под маску союзника и даже друга, а государственные машины не в состоянии защитить людей, стоящих на страже интересов общества, честно выполняющих свое дело и несущих обществу правду слова.

Особая миссия в освещении военных событий принадлежит военкорам. Этот род деятельности оставался и остается одним из самых опасных и непредсказуемых: новости из зоны боевых действий, из горячих точек, к сожалению и стыду, периодически чередуются с вестями о пропаже, пленении или уничтожении съемочных групп, о тотальном нарушении самого главного человеческого права – права на жизнь. Написанная более десяти лет назад, книга Николая Васильевича Мамулашвили «Моя чеченская война. 94 дня в плену», воссоздает реальную историю, произошедшую с четырьмя журналистами – Николаем Мамулашвили, Юрием Архиповым, Львом Зельцером и Николаем Загнойко, проведенными в плену у чеченских боевиков в 1997 году более трех месяцев – 94 дня.

Филолог по образованию, профессиональный опытный журналист, Николай Мамулашвили не только точно и емко реконструирует происходящее, но воссоздает объемную и важную для понимания смыслов, реконструкции событий затекстовую реальность. При этом автор не выходит за границы избранного жанра, а наоборот, добивается его особой органики, используя арсенал репортерской манеры – рассказчик, описывая дни плена, помещает читателя в внутрь происходящего, создавая эффект присутствия «здесь и сейчас». Но не менее значимо то, что происходит вокруг – героем повествования становится сама реальность, изображаемая с перекрестных точек

зрения, за счет чего создается приближенный к роману полифонизм.

Сегодня, в период всплеска мемуарной прозы, этот вид творчества уже начал казаться монотонным и предсказуемым. Однако ни одна из этих характеристик ни в коей мере не относится к книге Николая Мамулашвили. Ее пронзительный эффект состоит в том, что персонифицированный герой-рассказчик, иронично, через несколько автохарактеристик, очень метонимично, но емко представленный в самом начале (*«Я – Коля Мамулашвили, мужчина приятной наружности, немного пижон, как и все грузины, немного самонадеянный, как и все журналисты...»*), не является, как это можно было бы представить в рецензии на художественное полотно, где господствует вымысел, alter-ego автора. Это и есть автор! А в самом романе правит не художественный вымысел, а факт! Собственно, на сопоставлении фактов, событий роман и рождается. Но событийность, позволяющая читать книгу на одном дыхании, также не является ее исчерпывающей характеристикой: в центре документального романа – психологическая история состояний, в которой сталкиваются не столько сами события, сколько характер исторического времени, жизненных правил и моральных норм, кодексов чести и бесчестия, по которым пишутся человеческие судьбы. Незыблемым внутренним смысловым ядром оказываются человекоцентричность и пафос жизнелюбия, утверждение человеческой жизни как единственной ценности и объективного мерила происходящего (не случайно книгу пронизывает антиномия деньги / жизнь).

Автор – очень тонкий психолог, но это имеет мало общего с психологизмом как ключевым приемом классической прозы. Его психологизм – объективный, естественный, это результат пережитого, осмысленного, вынесенного из самой жизни (синдром пленника, синдром закрытого пространства, синдром неизвестности и др.). Наполненная размышлениями книга очень многое позволит понять в человеке читателю, который впервые сталкивается с повествованием такого рода. Как и в любой «военной прозе», герои один за другим решают страшную, но очень реальную проблему экстремального выбора, через которую по очереди вынуждены проходить все участники событий (свой выбор у пленников, свой – не менее, а гораздо более страшный в условиях еще большей неизвестности – у

брата и у дяди рассказчика, свой – у родственников, близких, ужас ситуации которых заключается в невозможности реального вмешательства в ситуацию.

Очень значимыми в этом ряду оказываются женщины. Лирическая интонация появляется, как правило, во фрагментах, связанных с сакрализированным образом мамы, которая выступает не просто идеалом, мерилom женственности и душевной тонкости, чуткости, невероятной любви, тепла, но и аккумулирует в себе жизненную стойкость, преданность семье, умение прятать свои чувства, жертвенность, вне зависимости от того, кто твой сын – грузин, чеченец, еврей или русский. Вполне понятно, что образы отца и матери, о которых рассказчик ни на секунду не перестает думать в плену, описываются предельно тепло и трепетно, но с не меньшим уважением Н. Мамулашвили воссоздает эпизод, в котором мать невольного стража заложников – чеченца Ахмада, практически такого же заложника обстоятельств, как и герои, – не задумываясь о собственной безопасности, бесстрашно отстаивает правду своей семьи, не опасаясь гнева вооруженных до зубов боевиков.

Если говорить о романских принципах изображения, то очевидно и вполне естественно для такого полотна, автор опирается на принципы «пушкинского историзма», сочетая субъективизм с объективностью, изображая характеры на фоне исторической эпохи, в которой развернулась страшная чеченская кампания, а конкретно – событий 1997 года. Только героями оказываются не персонажи, созданные силой авторского воображения, а реальные исторические лица: известные российские журналисты (герои, попавшие в плен, Светлана Сорокина, Арина Шаропова, Роман Перевезенцев), руководство СМИ, политические деятели (Борис Ельцин), персоналии чеченской истории (Мовлади Удугов, Аслан Масхадов), известные личности (Магомед Талбоев). Обширный исторический контекст был бы неполным без изображения драматических судеб рядовых людей, не по своей воле закрученных в опасный водоворот истории (милосердный человек, отец большого семейства чеченец Ахмад, уставший от войны и отказывающийся от кровопролития; брат, дядя, родители, земляки). При этом особенностью авторской манеры является сочетание субъективизма, лиризма с объективностью.

Повествование от этого лишается монотонности, обретает динамику, воспринимается очень живо, несмотря на то, что содержательно, концептуально книга, бесспорно, психологически перегружена, как концентрировано само историческое время.

Еще одной авторской находкой, а точнее чертой авторской манеры, является легкий для восприятия, приближенный к устному рассказу стиль, вступающий в очевидное противоречие с жестко, натуралистически достоверно изображенной реальностью, открытость эмоций и чувств – в сочетании с четкой логикой. Субъективность, концентрация на собственных мыслях и состояниях – вполне органичная черта такой прозы: автор очень точно воссоздает ощущения человека «с закрытыми глазами» – в жизни под землей, в замкнутом пространстве под звуки лязгающего оружия самое страшное – неизвестность: непонимание того, когда закончится, чем закончится и закончится ли эта история; удастся спастись или не удастся; чем может закончиться план по захвату охраны; за кем идут и кого первым расстреляют боевики. Автор изначально задает ракурс изображаемого, фиксируя его в заглавии притяжательным местоимением «*Моя чеченская война*», выводя книгу за границы документа и получая «право» на изображение событий сквозь призму не только собственной логики, но и чувства.

Особую роль в создании концептуального пространства книги играет мир вещей: реальные детали в силу своей значимости и контекстуального смысла обретают характер символа: джинсы, носки, зажигалки, сигареты, килька, прометейка, чистые простыни, радио, телевизор, машины... – любая вещь, оставшаяся бы незамеченной или напротив, вызывавшая неподдельный восторг в мирной жизни, воспринимается в условиях заточения совершенно иначе. Если бы это была художественная проза, от глаза литературоведа не ускользнула бы нарочитая оппозиция «прометейки», закоптившей едким дымом все пространство первого, самого страшного, подвала, и кроватей с белыми простынями, которые пленники обрели в подвале милосердного Ахмада. И это не единственная оппозиция, определяющая характер описываемых локусов. Однако, проза документальная, а потому даже столь выразительные детали, не случайно врезавшиеся в сознание пережившего в плен человека, пусть и

пропущенные сквозь призму ощущений, все-таки носят характер документа – «вещественного доказательства» реально происходивших событий. Автор не избегает и натуралистических деталей, предельно точно выражающих состояния, ощущения, чувства людей, подвергшихся страшным испытаниям, но при этом не скатывается в натурализм.

Автор-рассказчик не выступает демиургом, он задается вопросами, разрешить которые человеку, даже прошедшему преисподнюю, в пределах человеческой жизни очень сложно! Судьба, наверное, пишется не самим человеком, но ценности и правила жизни каждый выбирает сам. И чем острее этот выбор, тем точнее должны быть правила. Потрясающая искренность и абсолютная честность: он ни разу не пытается встать над другими героями, возвыситься над ситуацией. Даже попытка взгляда «со стороны», благодаря временной дистанции, не сбивает главного ракурса: он оценивает ситуацию изнутри событий, филигранно балансируя авторским сознанием и совмещая ракурсы – взгляд на то, что происходит, изнутри, из заточения, и извне (экскурсы в мирную жизнь, мир семьи, то, что происходило до событий). Одно из главных достоинств документального романа Николая Мамулашвили в том, что в нем нет позиции «судьи», он прежде всего – реальный участник событий.

В то же время, изображаемое не локализовалось в границах «частной» истории: события продолжают жить внутри ее участников, которые лишь внешне вышли за ее пределы (о чем свидетельствует эпилог, сам факт написания книги спустя 8 лет после завершения событий, неизданные дневники, записки и документальные свидетельства из архива Георгия Мамулашвили, а самое главное – постоянное проживание этих событий на протяжении двух десятков лет в сознании и неутихающей памяти ее участников). Правда этой книги и в том, что, к сожалению, подобные события геометрически множатся в реальности, где так и не распутан клубок сложных исторических, политических, межнациональных, межконфессиональных, а значит, – личностных противоречий, возникающих на пересечении Человека и Истории.

Книга Николая Мамулашвили органична, но при этом парадоксальна по своей природе: документальный роман, в основе которого сложноразрешимые политические, межнациональные,

межконфессиональные, социальные, межличностные проблемы, вполне мог бы стать основой сценария и лечь в основу кинополотна, потому что, построенный на диалоге, динамичный, монтажный по своей композиционной и стилиевой фактуре, он кинематографичен. Жанровая контаминация позволила автору в объеме, мало отличающемся от повести, создать полноценный, масштабный документальный роман, основанный на документальном повествовании, включающий архивные документы, фото, исповеди, элементы автобиографической повести, лирические и драматические фрагменты, дневник, приближенный к серьезной аналитической записке («Из дневника Георгия Мамулашвили»), хронику («Хроника последнего дня»), реальные статьи, репортажи («Мой репортаж, прозвучавший в эфире 4 марта 1997 года, в 14.00 по московскому времени» и др.), обобщения («Москва. РИА «Новости». Похищенные журналисты (обобщение)»), письма, документы (письмо боевиков, адресованное Магомеду Талбоеву – секретарю Совета безопасности Дагестана), записки, заметки. В результате рождается феномен автопрозы, которая выстаивается на полифоническом соединении, казалось бы, сложно соединимых контекстов. Но именно в этом и заключается феномен журналистской прозы, в которой точно и непринужденно монтируются фрагменты, из которых складывается цельное историческое полотно. Микроистории сцеплены в единую историю человека в плену исторического времени. И это, наряду с легкостью повествовательного стиля, обеспечивает отсутствие монотонности, несмотря на, казалось бы, ее естественное наличие в условиях замкнутого пространства и циклически замкнутого времени.

Книга известного журналиста может восприниматься и как «учебник профессии» – это настоящая школа настоящего военного репортера. Но она ценна в совокупности всех своих характеристик: и как историческое свидетельство, и как качественная проза. Тонкий психолог, остро чувствующий, многое переживший и понявший человек, автор наряду с хроникальными перебивками, историческими справками, наблюдениями, вводит трогательные эпизоды: «С днем рождения, Левка!», в которых с предельной остротой за ничего не значащими в обыденной реальности деталями, воссоздается сложный мир человеческих переживаний и радостей, среди которых одной

из главных оказывается готовность поделиться, подарить человеку праздник. Характер подарков – «*пять запыленных сигарет*», «*Паркер*» (единственная вещь из «прошлой жизни»), хлеб, из которого имениннику досталась самая большая часть – становится мерилем ценности всего, что окружает человека в этой жизни: главная ценность, позволяющая человеку не растерять силы и оставаться человеком в любых условиях – желание дарить радость, память о близких, надежда на освобождение. Глава заканчивается предельно просто и предельно символично: «*Мы выпили за Левку, за наших родных и близких, за всех, кто переживает за нас, и за скорейшее освобождение*». Это чувство сопричастности к далекому, но своему миру оказывается спасительным, не покидает человека ни на минуту, его тепло распространяется концентрическими кругами, позволяя не утратить надежду, а значит, достойно противостоять самому кромешному аду.

Войны, как и беды, не бывает «по одну сторону». Не случайно автор композиционно сталкивает, далекие географически, но очень близкие эмоционально пространства чеченского подвала, в котором обитают пленники, далекой, мало понимающей о том, что реально происходит, Москвы, родины, родного Тбилиси, родительского дома, объединившего людей, для которых единственным смыслом жизни стало освобождение пленников. Автор очень точными штрихами воссоздает обстановку домашнего очага, очень осторожно и бережно «знакомит» читателя с самыми близкими людьми. Получается удвоенный эффект: проникаясь сочувствием к рассказчику, чьи переживания в середине книги ощущаются физически, читатель еще тоньше понимает состояние души человека, воспитанного среди достойных, добрых, высоких духом людей, единственным смыслом жизни которых теперь является спасение заложников.

Для понимания авторской концепции предельно важны наблюдения за заголовочно-финальным комплексом. В книге, которая открывается посвящением «*моему брату Георгию Мамулашвили*», кажется вполне естественным внимание к самому близкому для героя человеку – сердца братьев, на каком бы расстоянии они ни находились, всегда бьются в унисон. Однако брат оказывается не просто активным участником событий, без которого, конечно, все могло бы сложиться совершенно иначе: настоявший на том, чтобы

ближайшие родственники заложников приехали в Москву – «*вместе решать задачи и добиваться каких-то результатов*», по договоренности с главным редактором фильтровавший все сообщения, которые могли навредить пленникам, врач по профессии, брат не уставал заботиться обо всех – и о пленниках, и об их семьях, и о маме с папой, которые в мучительном ожидании, отчаянном бессилии и неведении находились на далекой родине, и о, казалось бы, посторонних людях, которые оказываются рядом. Читая книгу, почти на каждой странице ловишь себя на мысли, что такой герой, как и сам рассказчик, мог бы украсить галерею образов мировой литературы, являя собой пример самоотдачи, жертвенности, «негромкого», каждодневного скрытого героизма. Но в пространстве документального романа поступки это-го человека, за каждым словом которого стояли реальные дела («Надо беречь родных и близких. <...> И он берег родных и близких»), воспринимаются еще пронзительнее – этот человек, является неким нравственным камертоном, способным распространять добро даже на расстоянии концентрическими кругами в том числе и там, где это, казалось бы, невозможно.

Исторические испытания всегда являются индикатором человеческой сущности. И значимость показного героизма несоизмеримо мала по сравнению с поступками людей, чье сердце являетсяместилищем мирового добра. Таких в книге большинство: восхищают земляки, по просьбе брата скупающие газеты, неосторожные строки в которых могли расстроить родителей, вселяет уверенность искреннее и действенное сопереживание коллег, пытающихся использовать любые возможные каналы для спасения четырех журналистов. Все без исключения одержимы идеей вызволения близких из плена. Кто-то из родственников готов на безрассудство ради спасения сына, соглашаясь на штурм и сводя при этом шанс на спасение пленников к нулю, кто-то использует любую ситуацию для того, чтобы поддержать человека хотя бы на расстоянии, кто-то, напротив, теряется и временно поддается эмоциям. Но настоящий этический императив, который кажется непостижимым и, наверное, единственно возможным в условиях апофеоза античеловечности, сосредоточен в характере и поведении преданного, мудрого, по-настоящему доброго дяди, а главное – в поступке брата, вызвавшем признание

даже циничных врагов, пораженных *«его словами, мужеством и благородством»*: в ответ на предложение чеченской стороны об освобождении одного заложника – самого близкого человека – Георгий, отказавшись от «дружеского жеста» кавказских «земляков», рискуя потерять все, заявил: «Или всех, или никого!». Фигура брата дана пунктирно, штрихами, но каждый из этих штрихов как-то очень точно и естественно очерчивает облик героя времени – настоящего человека, способного на «достойный, благородный, рыцарский жест».

Именно так в одной из финальных глав оценивается рассказчиком происходящее. И именно в этой точке практически замыкается логическое кольцо, обрамляющее границы смыслов, заключенных в документальном романе: простая и пронзительная правда книги, правда человека, прошедшего через горнило ада и имеющего право на, казалось бы, любую мораль, звучит совершенно просто и без морализаторства. Война многое заставляет пересмотреть. Смысл, который и большая, и частная человеческая история открывают автору и который он пытается транслировать читателю, предельно прост – только человечность, жизнелюбие, умение радоваться, ценить мир во всех его подробностях и составляют настоящую суть, правду жизни. Воспоминания, выплеснутые на страницы книги и тысячекратно прокрученные в голове, позволяют автору взглянуть на события «со стороны» и понять главное: «Жизнь прекрасна!». Документальный роман нетипично для этого жанра, но абсолютно органично для личности и мироощущения рассказчика, завершается лирическим отступлением, аккумулирующим авторскую позицию.

Перечитывая и размышляя о книге «Моя чеченская война. 94 дня в плену», можно много спорить о достоинствах избранной автором жанровой формы документального романа; видимо, сотни исторических дискуссий еще долгое время так и не позволят понять правду об этой страшной, мало кому понятной войне. Очевидно главное: незыблемым внутренним смысловым ядром книги, цементирующим ее изнутри, ее главными скрепами оказываются гуманизм, утверждение человеческой жизни как единственной ценности и объективного мерила происходящего.

Значимость книги Николая Мамулашвили, бесспорно, заключается и не только лишь в том, что она является одним из источников

представлений о чеченской кампании, о характере происходящих событий. Книга очень точно выражает смысл, хранителем и транслятором которого всегда являлись лучшие произведения классической литературы: «Человек просто должен жить и радоваться жизни. Жить и любить. Жить и работать. Радоваться всему, что его окружает – близким, друзьям, облакам, солнцу, деревьям, животным, книгам, ветру... Всему!».

Литература:

Мамулашвили 2005: Мамулашвили Н. В. *Моя чеченская война. 94 дня в плену.* Москва: 2005.

Roman Dzyk

Liliia Shutiak

Ukraine, Chernivtsi

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University

Ukraine of the 90-s in a „New Journalistic Novel“

by Les Beley „The Wicked Nineties:

Love and Hatred in Uzhhorod“

Understanding of new historical stages requires new literary approaches. An interesting attempt to describe Ukrainian reality of the '90s in a new journalistic style is the novel by Les Beley "The Wicked Nineties: Love and Hatred in Uzhhorod" (2014). In this work, real characters tell real stories in their own voices. These are the representatives of various youth subcultures, bartenders, disc jockeys, policemen, etc. The text is full of essential documentary facts. Beley uses a lot of dialogues, quotations, interview fragments, slang, dialectisms and colloquialisms. The book contains practically all the techniques of "new journalism", suggested by T. Wolf. The fact that they are present in the text does not only enable the readers to interpret it as a "new journalistic novel", but also proves the formation of a new literary journalistic tradition in Ukraine.

Key Words: Ukraine, Les Beley, "The Wicked Nineties: Love and Hatred in Uzhhorod", new journalism, literary journalistic genre, new journalistic novel.